

Между тем наступает 10 августа. Парижский народ, организованный по секциям, овладевает движением. Он назначает революционным путем свой Совет Коммуны для придания восстанию большего единства. Он изгоняет короля из Тюильри, с боя берет дворец, и Коммуна заключает короля в башню Тампль. Но Законодательное собрание остается, и оно скоро становится местом сближения всех роялистских элементов.

Буржуа-собственники сразу замечают, что движение приняло народный характер, что оно идет в направлении равенства, и они еще больше начинают держаться за короля. Тысячи планов создаются тогда с целью передать престол или ребенку-наследнику (так и было бы сделано, если бы мысль о регентстве Марии-Антуанеты не внушала всеобщего отвращения), или какому-нибудь другому французскому или даже иностранному претенденту. Так же, как и после вареннского бегства, заметно усиливаются чувства, благоприятные для королевской власти, и в то время как народ громко требует определенных заявлений против монархии, Собрание, как и всякое подобное собрание парламентских политиков, боится скомпрометироваться, не зная еще, кто и что одержит верх. Оно склоняется скорее к монархии и старается задернуть дымкой старые преступления Людовика XVI, противодействуя всякой попытке изобличить их, что, конечно, должно было случиться, если бы началось серьезное исследование для открытия соучастников короля в заговоре.

Собрание решается уступить только тогда, когда Коммуна грозит ударить в набат, а секции заговаривают о массовом избиении роялистов¹. 17 августа оно решается, наконец, назначить уголовный суд из восьми судей и восьми присяжных, избранных представителями секций. Этому суду предлагается, однако, не углубляться в расследование тех конспирации, которые велись в Тюильри *раньше* 10 августа, а ограничиться разысканием виновников событий этого дня.

А между тем доказательств существования заговора множество, и они становятся с каждым днем все определеннее. В бумагах, найденных после взятия Тюильри в письменном столе интенданта королевского дома Монморена, оказалось немало обвинительных документов, между прочим письмо принцев, доказывающее, что, направляя австрийские и прусские войска на Францию и организуя кавалерийский отряд из эмигрантов, чтобы идти вместе с ними на Париж, принцы действовали в согласии с Людовиком XVI. Там же оказался длинный список брошюр и листов, направленных против Национального собрания и якобинцев и изданных на средства королевского дома; среди них были листовки, имевшие целью вызвать вооруженное столкновение в момент прибытия в Париж марсельцев и призывавшие национальную гвардию к их избиению². Найдено было, наконец, доказательство того, что «конституционное» меньшинство Собрания обещало последовать за королем, в случае если он оставит Париж, под условием, однако, чтобы он не удалялся дальше, чем на расстояние, определенное в конституции. Нашлось и многое другое, но все это тщательно было скрыто из боязни, чтобы народный гнев не обрушился на Тампль - тюрьму, где держали короля и его семью. «А может быть и на Собрание?» - спросим мы.

Наконец, обнаруживается измена в войске, которую давно можно было предвидеть. 22 августа узнают об измене Лафайета. Он сделал попытку увлечь за собой свое войско и повести его на Париж. В сущности, этот план созрел у него уже давно; еще тогда, когда он явился 20 июня в Париж, чтобы нащупать почву. Теперь он наконец сбросил с себя маску. Он велел арестовать троих комиссаров, присланных к нему Собранием, чтобы сообщить армии о революции 10 августа. Старая лисица Люкнер тоже выразил ему свое одобрение.

К счастью, войско Лафайета не последовало за своим генералом, и 19 августа ему пришлось в сопровождении своего генерального штаба бежать за границу в надежде добраться до Голландии. Но

требуемое большинством и отвергаемое меньшинством, господствующим в Собрании, послужит причиной этого страшного, готовящегося теперь столкновения. У Сената (Собрания) не хватит смелости провозгласить низложение, а народ не будет настолько труслив, чтобы снести такое пренебрежение общественным мнением» А когда Собрание оправдало Лафайета, г-жа Жюльен писала, и ее слова оказались пророческими: «Но все это ведет нас к катастрофе, мысль о которой заставляет содрогнуться всех друзей человечества, потому что *кровь польется* дождем, *говорю это без преувеличения*» (Ibid, p. 213) Предсказание г-жи Жюльен оправдалось, как мы сейчас увидим, 2 сентября.

¹ «Вы, по-видимому, бродите впотьмах и не знаете ничего, что происходит в Париже», — говорит Собранию оратор одной из депутаций от Коммуны.

² В одном письме из Швейцарии говорилось о том, чтобы покарать якобинцев. «Мы расправимся с ними, и это будет страшным примером для всех Мы объявим войну ассигнациям, с этого начнется банкротство. Будет восстановлено духовенство, парламенты... Не беда, что пострадают те, которые раскупили духовные имущества» В другом письме читаем — «Не следует терять ни минуты. *Нужно дать почувствовать буржуазии, что спасти ее может только король*».